

тектурных группах на изображениях в пещерах Могао. В ранних росписях такое соединение показано несколько схематично, нередко можно увидеть соединение крыши главной постройки с крышами подходящих по бокам наклонных галерей в уровне скатов. Наклонные галереи, поднимавшиеся на высокую террасу с установленной главной постройкой на ней, были широко распространены при династии Тан и продолжали применяться вплоть до династии Мин (XIV в.) [6, с. 54]. Но обычно конек галерей был ниже свесов крыши главной постройки, поэтому пересечения скатов крыш не происходило. В ранних же росписях высота галерей достаточно значительная и нередко можно увидеть сопряжение скатов крыш, что было технически менее рационально, приводило к созданию лишних уязвимых мест соединения наклонных поверхностей скатов. В более поздних росписях соединение построек показано более рационально, в них пересечения скатов крыш соседних сооружений уже не происходит. То есть в данном аспекте наблюдается некоторый прогресс, совершенствование конструкций и технологии строительства.

В целом можно говорить о том, что росписи пещер Могао демонстрируют развитие конструкций, декора и технологии возведения китайских крыш при династии Тан, а также демонстрируют довольно развитое многообразие форм крыш сооружений, что соответствует другим исследованиям ученых, основанным на данных археологии, и описаниям в тексте. Кроме того, характер изображения архитектуры в росписях демонстрирует глубокую осведомленность художников относительно правил возведения построек. В целом можно утверждать, что росписи пещер Могао вполне могут служить наглядным материалом для исследования особенностей деревянной архитектуры династии Тан.

Ф. Я. Шемякин

F. Y. Shemyakin

Эволюция планировочной структуры Киото эпохи Хэйан

(на базе археологических данных)

The evolution of the planning structure of Kyoto in the Heian era

(based on archaeological data)

Ключевые слова: японская архитектура, градостроительство, планировочная структура, Хэйан-кё, Хэйдзё-кё

Keywords: Japanese architecture, urban planning, planning structure, Heian-kyō, Heijō-kyō

Аннотация. В работе проводится анализ влияния китайской архитектурной мысли на градостроительные особенности японских столичных городов в контексте анализа данных археологических раскопок раннего, среднего и позднего периодов эпохи Хэйан (794–1185 гг.) и сравнение полученных данных с изначальным проектом.

Abstract. The paper deals with the influence of Chinese architectural thought on the urban planning features of Japanese capital cities in the context of analyzing data from archaeological excavations of the early, middle and late periods of the Heian era (794–1185) and comparing the data obtained with the original project.

Становление государственности было тесно связано с градостроительными проектами, отражавшими стремление правителей установить господство и порядок, де-

Список литературы

1. Гуань Юхуэй (关友惠). Дуньхуан, поздняя Тан. Полное собрание росписей Дуньхуана (中国敦煌壁画全集). В 10 т. Т. 8. – Тяньцзинь: Жэньминь мэйшу, 2001. – 320 с. (на кит. яз.)
2. Guo Qinghua. The *mingqi* Pottery Buildings of Han Dynasty China. 206 BC – AD 220. – Toronto, 2016. – 206 p.
3. Дуань Вэньцзе (段文杰). Дуньхуан, средняя Тан. Полное собрание росписей Дуньхуана (中国敦煌壁画全集). В 10 т. Т. 7. – Тяньцзинь: Жэньминь мэйшу, 2006. – 287 с. (на кит. яз.)
4. Иллюстрированная история японской архитектуры (日本建築史図集) / Общество японской архитектуры (日本建築學會編集). – Токио: SHOKOKUSHA Publ., 2016. – 203 с. (на яп. яз.)
5. Семенова, Е. А. Китайское художественное стекло периода Цин (1644—1912 гг.): художественно-стилистические и технологические особенности: дисс. ... канд. иск.: 5.10.3 / Семенова Екатерина Александровна; РГХПУ им. Строганова. – Москва, 2023. – 216 с.
6. Сунь Дачжан (孙大章). История древней архитектуры Китая (中国古代建筑史). В 5 т. Т. 5. – Пекин: Чжунго цзяньчжу гунъе, 2009. – 557 с. (на кит. яз.)
7. Сунь Жусянь, Сунь Ихуа (孙儒僩, 孙毅华). Полный обзор пещер Дуньхуана (敦煌石窟全集). В 26 т. Т. 21: Архитектура в росписях. – Гонконг: Commercial Press, 2001. – 280 с. (на кит. яз.)
8. Фань Цзиньши (樊锦诗). Дуньхуан, ранняя Тан. Полное собрание росписей Дуньхуана (中国敦煌壁画全集). В 10 т. Т. 5. – Тяньцзинь: Жэньминь мэйшу, 2006. – 219 с. (на кит. яз.)
9. Фу Синянь (傅熹年). История древней архитектуры Китая (中国古代建筑史). В 5 т. Т. 2. – Пекин: Чжунго цзяньчжу гунъе, 2009. – 751 с. (на кит. яз.)
10. Шевченко, М. Ю. Способы выражения иерархии в китайской нормативной архитектуре / М. Ю. Шевченко // Вопросы всеобщей истории архитектуры. Вып. 17 / гл. ред. и сост. А. Ю. Казарян. – М.–СПб.: Нестор-История, 2021.
11. Ши Вэйсян (史苇湘). Дуньхуан, высокая Тан. Полное собрание росписей Дуньхуана (中国敦煌壁画全集) В 10 т. Т. 6. – Тяньцзинь: Жэньминь мэйшу, 1989. – 315 с. (на кит. яз.)

монстрируя власть над пространством как внутри, так и за пределами государства. Масштаб архитектурных и градостроительных решений, призванный внушать

благоговейный трепет перед государством, является характерной чертой древних столиц. Особенно явно эта черта прослеживается в градостроительной традиции китайских императорских столичных городов, оказавших значительное влияние на японскую архитектуру, так как история становления централизованной власти в Японии во многом опиралась на управленческий опыт Китая.

Будучи проекцией власти императора, идеальный город, в котором должен происходить процесс управления, был словно отпечатан на земной поверхности, служа воплощением порядка, обеспечивающего гармонию и процветание. Именно таким, по аналогии со своими китайскими образцами VII–X вв., должны были стать Хэйдзэ-кё (старое название Нара) и Хэйан-кё (старое название Киото). Конечно, копирование китайских образов в Японии не носило абсолютного характера. Например, между Хэйдзэ-кё и китайским столичным городом Чанъань имелся ряд существенных отличий: «дворец государя и административные постройки, организованные в Нара в единый архитектурный комплекс, занимали 4 квартала в северной части столицы, а в Чанъани дворец и министерства располагались обособленно» [2, с. 114].

Несмотря на то, что управленческий и градостроительный опыт Китая был успешно воплощен в проекте Хэйдзэ-кё, усиление власти буддийских храмов (уже к 720 г. их насчитывалось 46) [2, с. 115], привело к тому, что было принято решение о переносе столицы, обусловленное намерением императорского дома ограничить влияние буддийской общины на процесс принятия решений в государстве [3, с. 56]. Непосредственно в самой планировочной структуре нового города было предусмотрено расположение только двух буддийских храмовых комплексов, и, чтобы не допустить повторения ситуации, был введен запрет на перемещение буддийских храмов из Хэйдзэ-кё в новую столицу [2, с. 177]. Также строительство новой столицы и императорского дворца было сопряжено с экономическими трудностями, – в 805 г. император Камму был вынужден его приостановить из-за оскудения казны [2, с. 176].

Когда император Камму основал Хэйан-кё в 794 году, новая столица должна была стать постоянным управленческим и ритуальным центром сильного централизованного государства, соответствующего китайским образцам. Однако японское государственное устройство функционировало совершенно иначе, чем его китайский прототип, реальная власть в большей степени принадлежала отдельным политическим деятелям, чем государственным институтам, а «законодательная база, на которую опиралось государство, в недостаточной степени соответствовала японским реалиям, что затрудняло правоприменительную практику» [1, с. 49].

Процесс ритуализированного управления государством нашел свое отражение в иерархии планировочной структуры города. Императорский бюрократический аппарат и дворцовые комплексы были расположены в северной части столицы, а резиденции аристокра-

тии, расположенные рядом, были символами ее статуса в управленческой структуре. Согласно изначальному плану, земля должна была быть систематически разделена на одинаковые кварталы, которым соответствовала симметричная сетка дорог. Широкие и ровные дороги должны были обеспечивать эффективное использование транспорта и прохождение императорских процессов. Территория города была систематически разделена, а планировочная структура и транспортные артерии были спроектированы максимально рационально.

Однако в реальности кварталы оказались слишком крупными, а дороги слишком широкими. Общественные сооружения, в свою очередь, были непомерно велики и многочисленны [6, с. 27]. Амбициозный масштаб проекта, помноженный на целый ряд факторов, отрицательно повлиявших на успешность его реализации, привел к тому, что он фактически так и не был завершен. Также стоит отметить, что идеальная симметрия плана не была полноценно реализована, возможно потому, «что не нашлось достаточного числа жителей, чтобы заселить такой огромный город» [2, с. 177]. Еще одним фактором, повлиявшим на неустойчивость планировочной структуры, стали особенности рельефа долины, в которой был расположен город, которые «делали западную часть города неудобной и малопривлекательной для обитания, и она развивалась медленнее восточной, которая протянулась до берегов реки Камо уже к концу IX в.» [2, с. 177].

Анализ археологических данных эпохи Хэйан (794–1185 гг.) также подтверждает то, что городское пространство претерпевало существенные изменения. На примере сопоставления данных археологических работ времен раннего, среднего и позднего периодов эпохи Хэйан явно прослеживается стагнация одних районов и развитие других. Хэйан-кё изначально состоял из 3 секторов – Императорского дворца, Сакё (левый сектор) и Укё (правый сектор). Сравнивая изначальный план города с археологическими данными раннего Хэйан, можно констатировать, что в некоторых секторах было проложено мало дорог, а сами эти территории остались неосвоенными. В ранний период (VIII–IX вв.) найти следы в Сакё сложнее. Пустые области в северо-восточном и юго-восточном углах Сакё и части западной оконечности Укё позволяют сделать вывод о том, что они были неосвоенными. В некоторых частях Укё было построено мало дорог, и эти районы, видимо, также остались неосвоенными. В средний период (X–XI век) территории, бывшие заброшенными в ранний период Хэйан по-прежнему остаются заброшенными. Развитие Сакё и стагнация Укё приобретают устойчивый характер. В поздний период (XII век) отчетливо видно, что самым плотно заселенным районом остается Сакё [4]. Как мы видим, в периоды среднего и позднего Хэйан, в то время как часть территорий находилась в запустении, другие активно развивались.

Исходя из этих данных можно сделать вывод, что градостроительная сетка Хэйан, скорее всего, так и не была завершена до конца [6, с. 31–32]. Кроме того, сравнивая получившееся функциональное зонирование сегментов

планировочной структуры, расхившееся с изначальным вариантом, можно констатировать значительное отклонение от первоначальной идеальной схемы.

Эрозия государственной управленческой структуры находит свое отражение и в физическом воплощении столичного города, перенося объективные социальные противоречия в материальную составляющую городского пространства. Изменчивая политическая реальность, экономические проблемы и стихийные бедствия стали объективными причинами, способствовавшими разрушению системы императорской власти, – императорский дворец, правительственные учреждения и дипломатические резиденции исчезали с угрожающей скоростью, в то время как западная половина города была быстро превращена в сельскохозяйственные угодья, а элитные дворцы никогда в полной мере не соответствовали своим структурным и функциональным идеалам как редкие места ритуализованного государственного управления [6, с. XX].

Так как повсеместное распространение системы частных земельных владений сёэн, не облагаемых налогом, и возросшая роль местного чиновничьего аппарата при распределении средств и направлении в столицу налогов [3, с. 49] подрывали экономическое благосостояние централизованного государства, то уже к X веку центр реального влияния переместился из императорского дворца в резиденции придворных аристократов и храмовые комплексы. Впоследствии эти узлы частного политического и экономического влияния стали ядрами плотных кластеров городской застройки, что привело к глубокой пространственной трансформации городской структуры, в результате которой Хэйан-кё превратился из города, воплощающего власть государства и императора, в совокупность городских анклавов. Физическое пространство города отразилось в социально-политической реальности эпохи, где пространство, как и власть, было раздробленным и многомерным.

Еще одним признаком, указывающим на проблемы с воплощением в реальность китайской градостроительной системы, является тот факт, что в городе не хватало места для точного распределения жилых участков в соответствии с системой права собственности. Развитая бюрократическая система требовала большого обслуживающего чиновничьего аппарата. Хэйан-кё стал домом для разнообразной популяции чиновников численностью от пяти до семи тысяч человек [6, с. 3]. Поскольку Хэйан-кё унаследовал систему статусных земель

Хэйдзэ-кё, после переноса столицы возникли сложности с распределением земельных участков. Несмотря на наличие документов, призванных упорядочить этот процесс, система преемственности никогда не функционировала так, как планировалось.

В Японии существовала система из девяти основных рангов чиновников, «каждой ранговой категории, согласно законодательству, соответствовала определенная должность» [3, с. 33]. Однако большая часть чиновничьего аппарата – «около 95% от общей численности – составляли чиновники 6-го ранга и ниже, а также служащие, не имевшие ранга, но занимавшие определенные должности» [3, с. 55]. При соблюдении предписаний периода Нара от пяти до семи тысяч чиновников низкого ранга, пребывавших в столице, имели бы право на большее количество участков, чем было в самом городе [5, с. 120]. Стоит также отметить, что неудачная попытка первоначального переноса столицы из Хэйдзэ-кё и Нагаока-кё также могла внести дополнительную сложность в этот процесс.

Подводя итог, можно констатировать, что несмотря на то, что китайская градостроительная традиция оказала существенное влияние на градостроительные решения столичных городов в Японии, характер изменений планировочной структуры, приводивший к развитию ткани городского пространства за пределами четко очерченной структуры, отражал объективные географические, политические, социальные и экономические особенности, характеризующие специфику японского исторического развития.

Список литературы

1. *Еремин, В. Н.* История правовой системы Японии / В. Н. Еремин. – Москва : РОССПЭН, 2010.
2. *История Японии. Т. I. С древнейших времен до 1868 г.* / отв. ред. А. Е. Жуков. – Москва : Институт востоковедения РАН, 1998.
3. *История Японии: Учебник для студентов вузов* / под ред. Д. В. Стрельцова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Аспект Пресс, 2018.
4. *Growth of Cities – Online Resource for Japanese Archaeology and Cultural Heritage.* – URL: <https://dig.sainsbury-institute.org/orjach/growth-of-cities/> (date of access: 10.05.2023).
5. *McCullough, William H.* The Capital and Its Society // *Cambridge History of Japan* / ed. Donald H. Shively and William H. McCullough. Vol. 2. Heian (Japan). – Cambridge (UK) : Cambridge University Press, 1999. – P. 97–182.
6. *Stavros, Matthew.* Kyoto: a history of Japan's pre-modern capital / Matthew Stavros. – Honolulu : University of Hawaii Press, 2014.